

Т. Водоглазов

ОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ПЛЕХАНОВУ

*Об особенностях
развития
социалистической
мысли в России*

Г. Г. ВОДОЛАЗОВ

69-5
6033a

69-5
6033a

ОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО
К ПЛЕХАНОВУ

(об особенностях развития
социалистической мысли
в России)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1969

НОН-СТАТУС И СИМПОЛЯР

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Р

волюционер должен уметь плыть против течения, сказал как-то Плеханов.

И сам Плеханов умел это делать. Он не раз, в одиночку, бросался против течения; его порыв поднимал встречные волны, создавал встречное течение — и поворачивались вспять реки общественной мысли.

Дело здесь, впрочем, не в какой-то чудодейственной силе Плеханова. Разгадка таких чудес «простая»: Плеханов умел скорее других распознавать мощные подводные встречные течения, которые готовились выйти на поверхность. Угадывание этих глубинных процессов общественного развития и давало Плеханову силу побеждать поверхностные течения времени¹.

Он не боялся разлада с «публикой», с «передовыми людьми», если того требовали интересы истины. Он не боялся идти один против всех.

Так было на Воронежском съезде народников, когда он, увидев появление идейной пропасти между собой и товарищами, не колеблясь поднялся и ушел от них. Легко это говорить — «поднялся и ушел». Ведь «товарищи» эти были Михайлов, Морозов, Перовская и другие — люди, с которыми его связывала почти пятилетняя революционная борьба и сердечное доверие, люди, дороже которых не было для него никого. И все-таки он встал и ушел; и это было очень мужественно и очень честно.

И когда кто-то бросился вслед за Жоржем (так звали Плеханова друзья), чтобы удержать его от столь «безрассудного шага», удержать из-за боязни не столько за будущее своей партии, сколько за будущее остающегося в одиночестве Жоржа, вожак и любимец революционеров-народников Михайлов бросил: «не останавливайте его». Не потому, что Михайлов

¹ До тех, впрочем, пор, пока не притупилось его политическое чутье и не появились люди, сумевшие посмотреть глубже его и дальше его.

«обиделся» на Жоржа, а потому, что революционер Михайлов уважал и ценил свободу воли другого революционера, потому, что он знал Жоржа, потому, что он знал, что Жорж умеет плыть против течения, как умел плыть, если было надо, сам Михайлов.

Так было и потом. В начале 80-х годов, когда даже близкие к Плеханову люди (Дейч, Засулич, Стефанович) буквально умоляли его не спешить рвать с народнической партией, с народовольцами (ведь все-таки — партия, с печатными органами, громкими делами, с известными авторитетными людьми во главе!), 27-летний Плеханов в первом же предложении предисловия к своему труду «Социализм и политическая борьба» провозгласил: «...я отступил от теории так называемого народничества». Старые утопические народнические теории, писал он в следующей своей работе «Наши разногласия», «уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию...»². И Плеханов поднимал другое знамя: «мы... указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции, ... эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственно революционную программу»³.

И революционная молодежь спешила встать под это знамя, поднятое Плехановым; и старое течение стушевывалось, начинал бурление новый поток. «Новый мир открылся передо мной, — вспоминал о своих впечатлениях от чтения плехановской книги «Наши разногласия» один из первых московских марксистов С. Мицкевич, — найден был ключ к пониманию окружающей действительности, найдена была база для работы, выход из тупика, из тисков казавшейся ранее всесильной реакции. Русский рабочий класс — вот куда надо идти, надо нести в него светоч научного социализма. Он произведет ту политическую и социалистическую революцию, базу для которой тщетно старались найти Зайчневский и др. революционеры 60—70-х годов. Прочитал я тогда вновь и «Манифест Коммунистической партии», и новое громадное впечатление он произвел на меня: я его понял, я понял основы великой историко-философской теории Маркса. Я стал марксистом и уже на всю жизнь»⁴.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 105.

³ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, стр. 127—128.

⁴ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (4), стр. 54.

И так воспринимали работу Плеханова многие из революционной молодежи 80-х годов. Революционное движение в России начинало становиться марксистским, русский утопический социализм уступал место социализму научному.

Мы говорили о мужестве и умении Плеханова плыть против течения. Но, разумеется, не это его умение вызвало поворот русской общественной мысли от утопического социализма к научному. Это «умение» объясняет (да и то отчасти) лишь то, почему именно Плеханов стал провозвестником этого поворота — ведь только таким безумно смелым характерам суждено прокладывать новые пути человечества.

* * *

*

В нашей литературе нередко смешиваются эти два в общем-то разных вопроса: поворот русской общественной мысли к марксизму и поворот Плеханова к марксизму. Как, казалось бы, ни близки эти два вопроса, смешивать их нельзя, ибо тогда мы не отделим в процессе становления марксизма в России необходимое от случайного, важное от неважного. В эволюции Плеханова от народничества к марксизму есть элементы необходимого, свойственного общей логике развития идей в России, и есть случайное, специфическое, что свойственно собственно Плеханову, что обусловлено характером, воспитанием и другими особенностями плехановской личности.

Конечно, оба вышеназванных вопроса заслуживают того, чтобы быть внимательно рассмотренными — важны и общая логика и конкретная форма, — без всего этого трудно понять дальнейшее развитие русской социалистической мысли, дальнейшую идейную борьбу. В данной же работе, поскольку нас интересует объективная логика развития идей, мы остановимся лишь на моментах необходимого, что содержалось в эволюции Плеханова.

Выяснить это — значит ответить на вопросы: а) какие объективные факторы делали необходимым и неизбежным в начале 80-х годов появление и распространение идей марксизма в русском революционном движении? и б) какого рода люди могли стать пионерами этих идей в России?

Среди «объективных факторов» мы выделили бы четыре решающих (или, как говорят математики, необходимых и достаточных): 1) развитие капитализма в России, 2) рост русского рабочего движения, 3) крах народнических идей, 4) торжество марксистской идеологии в западноевропейском рабочем движении.

Какого же рода, какого типа люди могли выполнить задачу теоретического разгрома народнических идей и стать пионерами марксизма в России? Во-первых, они должны были быть из породы тех людей, которые, как мы уже писали, умеют (и имеют мужество) плыть против течения. Во-вторых, это должны были быть практические, деятельные революционеры с ясной теоретической головой. Только единство всех этих черт могло дать человека, способного выполнить роль пионера марксизма.

Посмотрим теперь, в какой форме проявилось влияние вышеназванных четырех объективных факторов в идейной эволюции Плеханова.

Отправная точка плехановской эволюции — его первая теоретическая статья «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России».

В первой части статьи, напечатанной в № 3 «Земли и воли» (от 15 января 1879 г.), Плеханов выступает народником чистых кровей. Никаких ясных предпосылок будущей его эволюции здесь не содержится. Это талантливо выраженное и подробно аргументированное народническое кредо. Правда, обращают на себя внимание серьезные попытки оценить практику революционного движения 70-х годов, извлечь из нее уроки. Обращает на себя внимание и попытка глубоко, исторически, опираясь на последние достижения мировой социалистической мысли (и на положения Маркса и Энгельса в том числе), обосновать народническую программу.

Уметь извлекать уроки из опыта своей борьбы — необходимая предпосылка плодотворной революционной деятельности. Как бы убедительно ни свидетельствовала практика о крахе тех или других теорий, они не умирают, пока не родится новая теория, которая сумеет преодолеть их теоретически. Пока нет теоретического обоснования краха теорий прошлого, нет по существу их и краха.

Плеханов и написал теоретический некролог, посвященный методам и принципам важнейших народнических течений 70-х годов: нечаевщины, ткачевизма, лавризма. Он вскрыл главный порок этих учений — субъективизм — и попытался противопоставить ему объективный метод. Правда, это был объективизм бакунистского толка (который при логическом продолжении сам легко переходил в субъективизм), и все же это были зачатки новой методологии (где-то отдаленно родственной марксистской историко-материалистической концепции).

Достоинство юного народнического теоретика состояло также в том, что он попытался теоретически осмыслить и сформулировать основные положения этого нового течения. И это,

заметим, уже второе его достоинство (считая первым — теоретическое осмысление уроков прошлого).

Систематизация, формулировка взглядов — существенная предпосылка теоретического прогресса. Пока мировоззрение приблизительно, пока программа аморфна, невозможна не только успешная борьба на ее основе, но и теоретическая эволюция от менее верного к более верному.

Заслуга Плеханова, состоявшая в систематизации и последовательном изложении взглядов нового течения в революционной среде, тем более заслуживает быть отмеченной, что среди действенного народничества преобладали люди, не склонные к «излишнему» теоретизированию, теоретическая совесть которых вполне удовлетворялась немногочисленными, эклектически соединенными и не весьма ясными представлениями — об эксплуатации, свободе, народе, общине и т. п. А если учесть, что среди землевольцев, к числу которых принадлежал Плеханов, господствовало мнение о ненужности и даже вредности знаний вообще (которые-де мешают слиянию революционной интеллигенции и народа), то в этих условиях теоретическая деятельность имеет еще, так сказать, и дополнительные достоинства.

Какие же идеи развивал и обосновывал Плеханов в своей статье? Весьма любопытно, что в общем виде они очень напоминают концепцию Чернышевского (правда, концепцию Чернышевского в ее наиболее раннем и наиболее абстрактном виде — концепцию, которой тот придерживался в 1856—1857 гг.).

Так же, как Чернышевский, Плеханов признает законосообразность в развитии общества. Так же, как Чернышевский, он признает, что объективный ход истории движет человеческое общество к социалистическому строю, основу которого составляет общественное (общинное) владение и общественное, коллективное (союзное — в терминологии Чернышевского) производство. И так же, как Чернышевский, Плеханов говорит о том, что Россия имеет возможность прийти к социализму, минуя период капиталистического развития — залогом тому служит общинное владение, которое надо «только» оплотворить в будущем коллективным производством.

Да, статья юного народника весьма напоминала первоначальную концепцию Чернышевского, хотя (это надо заметить!) и уступала ей в смысле глубины аргументации, философского обоснования. (Именно эта глубина теоретической аргументации и позволила в свое время Чернышевскому обнаруживать слабые утопические места в своей программе и делать успешные шаги в направлении к социализму научному.) Но как бы там ни было, молодой теоретик «Земли и воли» вступил на тот

след, которым шел Чернышевский и который привел его (Чернышевского) к глубоким обобщениям, к выводам, сделанным в 1858—1862 гг., с высоты которых уже угадывались некоторые положения научного социализма.

Однако вступив на след Чернышевского, Плеханов двигался дальше путем, отличающимся от того, каким шел его великий предшественник. Та стройная, мы бы сказали, плавная логика развития первоначальной концепции, которая ясно прослеживается у Чернышевского, заменилась у Плеханова, как бы это сказать ... импульсивными движениями, скачкообразными переходами.

У Чернышевского последовательно разрешаются вопросы и противоречия, содержащиеся в первоначальных набросках программы; а с появлением новых, более глубоко разработанных программ появляются и новые вопросы и новые противоречия, требующие и нового своего разрешения — так углублялась теория Чернышевского.

В плехановской эволюции нет такой последовательности. Вопросы, которые возникают у него при изложении кредо, остаются часто без ответа, и противоречия — без разрешения. Он то просто оставляет эти вопросы и эти противоречия и вдруг пытается подойти к проблеме с совершенно другой стороны, с третьей, то просто перескакивает через противоречия, через нелепость и продолжает развивать свою мысль дальше, словно этой нелепости, словно этого белого пятна, словно этого перерыва постепенности и не было.

Вот он доказывает, например, что замена общинного принципа буржуазным, индивидуалистическим — регресс, поэтому для России капитализм был бы «понятным шагом»; но для Запада-де (и тут следуют комплименты представителю «блестящей плеяды» социалистов Марксу) капитализм был прогрессом, так как пришел на смену не общинному, а феодальному принципу. Понятно, что столь оригинально рассуждающему автору не уйти от вопроса: ну, а феодальный-то принцип (который тоже есть «принцип индивидуалистический»), феодальный-то принцип почему в свое время пришел на смену общинному в Западной Европе?

Что, если это вытеснение общинного принципа феодальным было исторической необходимостью и служило прогрессу — ведь тогда развалится вся концепция регрессивности капитализма по отношению к общине. (Если капитализм — прогресс по отношению к феодализму, а феодализм — по отношению к общине, значит капитализм — прогресс по отношению к общине.) Но Плеханов пока перескакивает через этот вопрос. «Чем обусловилось падение западно-европейской общины, — пишет

он, — для нас теперь не важно; мы констатируем только факт замещения (на Западе. — Г. В.) индивидуализмом (феодализмом. — Г. В.) общинного принципа»⁵.

А потом это-то и оказалось самым важным по всей этой проблеме, и по существу этому-то и пришлось Плеханову посвятить целую статью — «Поземельная община и ее вероятное будущее» («Русское богатство», январь, 1880 г.). Тогда Плеханов и убедился, что вопрос, связанный с гибелью общинного принципа на Западе, решается не просто. И хотя он пытался еще по-народнически решить его, но ему самому становилось ясно, что народническое решение вовсе не является таким убедительным, как ему казалось раньше. (Впоследствии Плеханов вспоминал, что именно во время писания этой статьи колебались его народнические воззрения.) Вопрос по существу так и остался вопросом.

А вот другой пример теоретических скачков Плеханова. В первой части статьи «Закон экономического развития...» он, долго и складно рассуждавший об общине, земельных отношениях, о необходимости создания широкой революционной организации, отстаивающей интересы крестьянства, он, пообещавший в следующем номере журнала «показать, какие данные существуют в нашей истории и современной действительности для создания революционной организации»⁶, он в следующем номере журнала «показывает» вдруг совсем не то, что обещал показать: он подходит к проблеме с совершенно неожиданной стороны и начинает вести речь о... роли и значении рабачих(!) в освободительной борьбе.

Плеханов не выполнил своего обещания, данного в предыдущем номере, в чем, впрочем, чистосердечно признается перед читателями: «Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнью самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей»⁷ (и добавим, самого Плеханова, в том числе).

Однако в такого рода отсутствии строгой логики теоретического развития, в отсутствии строгой последовательности развития есть своя логика и своя последовательность, которые объясняются временем, когда жил Плеханов.

Идеи, высказанные Плехановым в статье «Закон экономического развития общества...», хотя и напоминают идеи первоначальной концепции Чернышевского, имеют, между прочим,

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 66.

⁷ Там же, стр. 67.

то существенное от них отличие, что они являются **итогом** развития взглядов действенного народничества, обобщением их теории и практики, тогда как идеи Чернышевского — предпосылкой деятельности революционеров 70-х годов.

То, что итог развития, то, что выводы, сделанные на основе десятилетнего опыта борьбы, в общем своем виде совпадают с предпосылками, не должно наводить на ту печальную мысль, что развития-то по существу и не было, потому что-де выводы оказались не богаче предпосылок.

Обычное явление в развитии общественной мысли — начав с общих (и потому более или менее абстрактных) предпосылок, теоретическая мысль проходит период их конкретного развития, проверки на практике тех или других сторон, частных; и когда она вновь возвращается к исходному, то это уже по существу иное положение, чем прежде, оно обогащено опытом всего предшествующего развития, новое — уже несравненно более конкретное. Дальнейший путь развития естественно будет отличаться от предыдущего, ибо предыдущее было лишь конкретизацией; следующий этап должен быть принципиально новым (если верно, а это несомненно верно, что развитие не есть вечное и нудное движение по одному и тому же кругу).

Эта общая закономерность развития теории проявилась и в данном случае. Правда, условия русской действительности помешали этой закономерности проявиться в своем, так сказать, чистом виде, они несколько исказили ее, хотя «отменить» были, конечно, не в состоянии. Искажение это заключалось в том, что возврат к положениям даже ранней концепции Чернышевского оказался неполным. И хотя плехановская концепция более конкретная (и в этом ее преимущество), она в то же время теоретически менее совершенна, нежели концепция Чернышевского. Произошло это, в частности, и потому, что идеи Чернышевского были под запретом и доходили до революционеров обрывками — в упрощенном, а нередко и в искаженном виде. Однако если взять за исходное другую предпосылку, а именно то, как концепция Чернышевского воспринималась в начале 60-х годов идеологами среднего, так сказать, калибра (сотрудниками «Современника», например), и сравнить с тем, что писал Плеханов, то указанная выше закономерность будет просматриваться гораздо лучше.

Итак, теория, изложенная Плехановым в «Законе экономического развития общества...», совпадает во многом с тем, что писал Чернышевский в начале своей общественной деятельности, превосходя программу Чернышевского большей конкретности и уступая ей в теоретическом уровне. Оба эти

отличия и объясняют дальнейшую эволюцию взглядов Плеханова.

С одной стороны, логика теории толкает мысль Плеханова в том направлении, по которому шел Чернышевский (и статья «Поземельная община...» тому пример, в ней Плеханов приближается к тому теоретическому уровню, на котором стоял Чернышевский в конце 50-х годов); с другой же стороны, жизнь, действительность (несравненно более развитая и конкретная, чем в эпоху Чернышевского) врывается в его теоретические рассуждения, нарушая их последовательность и внося поправки, которые не могла предусмотреть ни одна теория прошлого (в том числе и теория Чернышевского) — так, стачечная борьба рабочих «спутала» намеченную Плехановым последовательность теоретического изложения и «заставила» немедленно предоставить ей уголок в революционных теориях.

В этих двух направлениях — последовательное развитие внутренней логики прежней теории и осмысление новых явлений действительности, часто противоречащих прежней теории и нарушающих ее логику, — в этих двух направлениях и шло теоретическое развитие Плеханова в 1878—1880 гг.

Это движение вперед по обоим указанным выше направлениям приближало мыслителя к краху его концепции. С одной стороны, развитие теории все яснее и яснее показывало, что община имеет внутренние предпосылки своего разложения и потому не может быть основой социалистического устройства, начинало сокращаться место, отводимое общине в теории; с другой стороны, развитие капитализма и рабочее движение пробивали такие бреши в прежней теории, что латать их с каждым днем становилось все труднее и труднее. Наступал момент, когда уже просто невозможно становилось объяснять новые явления в рамках прежней концепции. Это была принципиальная невозможность. Но Плеханов не сразу это понял, ему казалось, все дело лишь в том, что ему лично недостает знаний, чтобы свести концы с концами.

И вот в начале 1880 г. Плеханов уезжает за границу — перед ним открывается возможность «поработать на свободе» и обрести «необходимые знания».

Процесс духовного перерождения Плеханова, начавшийся в России, продолжается за границей более быстро. Сказывается, в первую очередь, влияние таких факторов, как: 1) изучение произведений Маркса и Энгельса, штудирование немец-

кой классической философии⁸, 2) непосредственное знакомство с европейским рабочим движением⁹, 3) близкое знакомство с различными социалистическими течениями западноевропейского социализма, с их идейной борьбой¹⁰ и, наконец, 4) пиррова победа народовольцев 1 марта 1881 г. Не будем подробно характеризовать весь этот процесс, скажем только, что завершился он написанием двух работ: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», в которых автор решительно порывал с народничеством и провозглашал себя марксистом. Это был качественно новый этап в развитии русского социализма.

* * *

⁸ Летом 1880 г. Георгий Валентинович «был погружен в изучение Гегеля, произведений Маркса, Прудона, братьев Бауэров и т. д. Работая над своим умственным образованием, что называется непокладая рук, или скорее книг, пера» (Р. М. Плеханова. Моя жизнь (Воспоминания). Архив Дома Плеханова в Ленинграде. Папка № АП 13а, стр. 184). А вот только некоторые из работ, которые входили в круг чтения Плеханова (берем из его «Записной книжки» 1880—1882 гг.): произведения Маркса и Энгельса — «Манифест Коммунистической партии», «Гражданская война во Франции», «К жилищному вопросу», «Бакуинисты за работой», «Кельнский процесс коммунистов»; сочинения В. Либкнехта, Лассалья, Рикардо, Мальтуса, Тюрго, Сэя, Сисмонди; статьи из «Revue des deux Mondes»: «Экономисты-финансисты XVIII века», «Кенэ и его положения...», «Ричард Кобден и манчестерская школа», «Поземельная собственность в римской империи...», «Юстиция в феодальном мире» и др. («Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. I. М., Госсөцэкгиз, 1934).

⁹ «Устроившись на первое время с жилищем, помнится, мы с Г. В. (Георгием Валентиновичем) принялись за знакомство с рабочим и социалистическим движением Франции. Мы начали посещать рабочие собрания, которые производили на нас неизгладимое впечатление. Парижский рабочий переживал эпоху увлечения, энтузиазма новым социалистическим движением... Вид этих лиц (рабочих) часто измученных, но в глазах которых горел святой огонь искания правды, производил на нас, меня, Г. В. и мою подругу Поляк глубокое впечатление. Перед моими глазами стоит Жюль Гед, вдохновенно с глубоким убеждением развивая идеи освобождения рабочего от эксплуатации капитализма» (Р. М. Плеханова. Моя жизнь (Воспоминания). Архив Дома Плеханова. Папка № АП 13а, стр. 218).

¹⁰ «Знакомство с Гедом и его соратниками давали нам возможность близкого знакомства и даже изучения рабочего движения, проникновения в это движение научного социализма, т. е. марксизм, на пути к которому шло социалистическое мировоззрение Плеханова и мое. Мы могли благодаря связям, приобретенным в Париже, проникнуть на собрание кружков последователей Прудона и других социальных учений, словом, мы стремились и имели возможность широко познакомиться с социалистическими теориями и практической деятельностью всех оттенков» (Р. М. Плеханова. Моя жизнь. (Воспоминания). Архив Дома Плеханова. Папка № АП 13а, стр. 244).

«Мы присутствовали на трех конференциях Гедда, а именно 4 февраля 1881 г. ...6 марта 1881 г. и 29 марта 1881 г. Несомненно, что пропаганда Гедда утверждала его (Плеханова) на новом пути, на который он становился, на путь марксизма». (Там же, стр. 219).

Вопрос, касающийся места, роли и значения плехановского социализма в истории русской революционной мысли, казался бы, ясный и достаточно выясненный: Плеханов разгромил народофильскую идеологию и открыл в России эру научного социализма. И это, конечно, правильно, но по свидетельству Луначарского, Плеханов «кричал» Ленину на Стокгольмском съезде (1906 г.): «В новизне твоей мне старина слышится»¹¹. Старина народнических идей слышалась Плеханову в ленинской «новизне».

Начиная с 1904 г. Плеханов, как и его единомышленники-меньшевики, не переставал упрекать Ленина в субъективизме и возрождении идей «Народной воли». И самое примечательное здесь то, что аргумент против Ленина плехановцы (и вообще все меньшевики) выписывали почти дословно из работ «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». А уж приведенную в «Наших разногласиях» цитату из Энгельса относительно того, что «самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость овладеть властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса...»¹², эту цитату противники Ленина буквально заездили.

Тут есть над чем задуматься: с одной стороны, утверждает, что социализм двух вышеназванных работ Плеханова — вполне марксистский и вполне научный, с другой же стороны, мы видим, что положения этого «вполне научного социализма» выдвигаются (и, в первую очередь, их автором) против ленинской революционной теории (которая, как уже доказано практикой, является единственно научной теорией социалистической революции XX в.). Как же объяснить сей парадокс, когда один представитель «вполне научного социализма» Плеханов выступает против основных положений теории другого и несомненно научного социалиста? Не слишком ли много взаимоисключающих вариантов научного социализма?

Самое простое, лежащее на поверхности «объяснение» (которым удовлетворяется, кстати, часть историков) состоит в том, что в начале XX в. Плеханов-де изменил своим прежним научно-социалистическим взглядам, сжег, в общем, все, чему поклонялся. Короче — «изменил» и «переметнулся». Это было бы вполне приемлемое объяснение, если бы... если бы Плеханов действительно «изменил» и действительно сжег бы все, чему поклонялся. В действительности же Плеханов ничему не

¹¹ А. В. Луначарский. Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. М., Гослитиздат, 1934, стр. 41.

¹² Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, стр. 345.

изменял, в начале XX в. он исповедовал в принципе те же идеи, что и в 80-х годах.

Существует и другое объяснение, которое учитывает тот факт, что никаких принципиальных сдвигов в мировоззрении Плеханова не произошло. Это объяснение сводится к тому, что плехановский социализм всегда был-де не вполне научным и что все его меньшевистские ошибки в зародыше содержались уже в его работах начала 80-х годов (далее обычно показываются эти «зародыши» и прослеживается процесс их развития в меньшевистскую концепцию).

Такое объяснение нам также представляется поверхностным и неправильным.

(Жили-были два мальчика, два маленьких сорванца. Сколько раз их драли за уши, сколько ругали за то, что не проходило дня, чтобы они не придумывали какую-нибудь шканду; приходили в отчаяние учителя от их непослушания, бледнели кондуктора трамваев, когда мальчишки эти на полном ходу спрыгивали с подножек. И вот выросли мальчишки — один из них стал героем, другой преступником. И воспитатели в назидание другим мальчишкам ищут «зародыши». Смотрите, говорят они в одном классе, вот Герой: в детстве он был, правда, не слишком послушным, но зато смелым и отчаянным — вот зародыш героизма; смотрите, говорят они в другом классе, вот преступник, уже в детстве были видны зародыши его будущего пути: он нарушал дисциплину в школе, он нарушал правила уличного движения, вот и нарушил правовые нормы нашего общества. Какое чудное объяснение! А ведь зародышей-то никаких и не было. А были просто два отчаянных мальчишки, которые могли стать кем угодно. В другое время и при других обстоятельствах появляются «зародыши» преступности и героизма.)

Итак, мы исходим из того, что в принципе плехановские взгляды 1904 г. и 1884 г. совпадают. Разберем, как они относились к программе партии «Народной воли» и к программе большевиков.

Вначале — о программе «Народной воли». В ее основе лежал принцип общий всему народничеству — прийти к социализму, минуя капитализм. Народовольцы считали, что «ниоткуда не следует: чтобы другие страны, например, Россия, не имели для развития крупного производства других путей», нежели Запад¹³.

В чем же, по мнению народовольцев, должен состоять этот «другой путь», каковы формы его практического осуществления?

¹³ «Вестник «Народной воли». Женева, 1884, № 2, стр. 239.

Все должно начаться с захвата власти революционерами (возмущение народных масс политикой самодержавия поможет революционерам это сделать). Захватившие власть революционеры изберут такую политику, которая позволит стране, минуя капитализм, постепенно приближаться к социалистическим общественным отношениям. В отличие от ткачевистов, «якобинцев», которые намеревались вводить социализм главным образом с помощью «социалистических тюремщиков», народовольцы считали, что временное правительство не должно прибегать к насильственным мерам. «Временное (революционное. — Г. В.) правительство, — писал идеолог «Народной воли» Тихомиров, — не имеет тут нужды ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогает ей с чисто внешней стороны»¹⁴.

Что же конкретно будет делать это правительство для приближения социализма? В первую очередь организовывать крупное производство и способствовать повышению производительности труда (важность для социализма того и другого хорошо понимали народовольцы). «Правительство, ответственное за ход дел в стране, заинтересованное в ее благосостоянии, от которого зависит и его собственная популярность, без сомнений, принуждено будет употреблять меры к повышению производительности труда, а между прочим, и к организации крупного производства... Выгода и необходимость крупного производства слишком очевидна, а во многих случаях — оно даже совершенно неизбежно»¹⁵.

Правда, некоторые противники «Народной воли» из числа «сторонников немецкой социал-демократии» считали, что развитие крупного производства — это и входит в историческую миссию капитализма. Но народовольцы считали, что сам народ без всяких капиталистов способен создать крупное производство. Ведь «выгоду и необходимость крупного производства» — «это легко понять массе народа», тем более, если инициативные, образованные люди придут на помощь народу со своими разъяснениями.

«Почему же таким путем, — продолжает народовольческий теоретик, — не может мало-помалу создаваться переход общины в ассоциацию, организация обмена между общинами и союзами общин, самый союз нескольких общин в целях того или другого производства, пока социалистический строй, развиваясь мало-помалу и все более вытесняя частное хозяйство, не охватит наконец всех отпавлений страны»¹⁶.

¹⁴ «Вестник «Народной воли», 1884, № 2, стр. 255—256.

¹⁵ Там же, стр. 257—258.

¹⁶ Там же, стр. 258.

А этот процесс будет наверняка ускорен социалистической революцией, которая в недалеком будущем совершится в Западной Европе: «Наступление социалистического переворота, если не во всей Европе, то по крайней мере в некоторых ее странах... поставит Россию в почти безусловную необходимость организовать свой международный обмен на тех же (т. е. социалистических. — Г. В.) началах, а стало быть, почти навяжет нам социалистическую организацию и в сфере внутреннего обмена»¹⁷.

Кратко суть народовольческой теории сводится, стало быть, к следующему. Революционное правительство, всемерно ограничивая частнохозяйственный сектор, будет всеми имеющимися в его распоряжении средствами способствовать развитию социалистических отношений, постепенно приближая общественное устройство к социалистическому идеалу (и рассчитывая при случае на помощь европейской социалистической революции).

В чем утопизм (и субъективизм) этого плана?

Главное в том, что народовольческое «революционное правительство» — это правительство, не имеющее за собой никаких массовых исторических сил. На что (или на кого) может опираться это правительство при осуществлении своих реформ? Только на силу своей власти, только на свое желание, которое, кстати, вовсе не совпадает с желанием многомиллионных масс мелких производителей, крестьян, а именно они составляли подавляющее большинство «русского народа», крестьян, идеалы которых, как известно, отнюдь не социалистические. Разумеется, одного желания небольшой революционной партии недостаточно для осуществления социалистических преобразований. И с этим, полных благих желаний правительством неизбежно должно произойти одно из двух — либо оно уступит желаниям народным (т. е. желаниям крестьянским), осуществление которых быстро приведет к чисто капиталистическим отношениям, либо оно выступит против этих желаний и, лишившись вследствие этого массовой поддержки народа, окажется вынужденным прибегнуть к диктатуре (ткачевского типа), с опорой на армию и карательные органы. Таким образом, выполнение «социалистической» программы народвольтцев ни к какому социализму не приведет и привести не может.

На это и указал Плеханов в «Наших разногласиях». Он доказал также, что без класса, заинтересованного в социализме, революционные социалисты не смогут добиться успеха. А таким классом, писал Плеханов, является лишь рабочий класс (который в России находится пока лишь в состоянии

¹⁷ «Вестник «Народной воли», 1884, № 2, стр. 259.

формирования). Поэтому не захват власти должен быть целью революционеров — в настоящее время, а развитие сознания рабочего класса и организация его партии.

И здесь Плеханов был совершенно прав — так же как он был впоследствии совершенно неправ, выставляя те же самые аргументы против большевиков.

Да, несомненно, ленинская теория революции внешне несколько напоминала народовольческую теорию: было у Ленина и революционно-демократическое правительство, которое, осуществляя под своим контролем буржуазно-демократические преобразования, будет способствовать постепенному переходу общества на социалистические рельсы¹⁸. Однако содержание этих теорий было существенно различным.

Они базировались на разных принципах. Ленин, выработывая план социалистического переустройства, уповал не на желания и волю революционеров, захвативших государственную машину и использующих ее силу в интересах социализма. Нет, Ленин показывает те объективные материальные предпосылки, те массовые силы, которые позволяют говорить о социализме как о реально осуществимой возможности. Предпосылки эти заключались в достаточном развитии (в начале XX в.) капитализма, а массовой исторической силой, заинтересованной в социализме, был достаточно сильный рабочий класс.

Можно было, конечно, спорить (хотя и без шансов на успех, но оставаясь все-таки верным марксистскому требованию конкретно-исторического анализа), спорить о том, достаточно ли развиты эти силы для удержания власти, ограничения буржуазных отношений и перехода к социализму. Но упрекать в субъективизме авторов большевистского плана, демонстрируя свой объективизм ссылками на опыт европейского развития — значило обнаруживать существенные пороки лишь собственной методологии. И все пороки поздней плехановской методологии сводились к одному и тому же, что эта (хотя и объективно-историческая) методология не была в то время методологией **конкретно-исторической**.

¹⁸ «Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевой популярностью, мы можем сказать и говорим лишь одно: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической», «...от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 222).

Однако эти пороки, эти недостатки проявились (или вернее сказать, появились) у Плеханова лишь в XX в.

В 80-х годах XIX в. в полемике с народолюбцами социализм Плеханова открывался с самой сильной своей стороны — со стороны **объективно-исторического анализа фактов и явлений общественного развития**. Другие стороны не могли тогда проявиться (или вернее определиться, сформироваться) в силу своеобразия общественного развития и теоретической борьбы той поры.

Какие главные задачи объективно стояли тогда перед передовой социалистической мыслью России? Осознание весьма быстрого развития капитализма в России; осмысление в связи с этим новых задач, возникающих перед революционерами, социалистами; разгром субъективистской исторической концепции народничества. Это и было сделано Плехановым. Он полностью выполнил задачи, поставленные перед социалистами эпохой 80-х годов.

Могут возразить: как же это — «полностью», когда сами же вы сказали, что в теории Плеханова отсутствовал конкретно-исторический анализ, своеобразии русского общественного развития? Э, нет: мы говорили об отсутствии конкретно-исторического анализа в плехановских работах 900-х годов.

Позвольте, но ведь в 900-х годах (и вы опять-таки сами это говорили) Плеханов защищал в основном те же положения, что и в 80-х годах.

— Да, положения те же, но время другое. А одно и то же положение в одно время, в одних условиях может быть предельно конкретным, а в другое время и в других условиях — абстрактным.

В 80-е годы Плеханов с максимальной для того времени конкретностью охарактеризовал вступление России в новую полосу исторического развития — в полосу капиталистических отношений. В то же время никаких данных, говорящих о том, что в России развитие это пойдет в высшей степени своеобразно, таких данных не было. Более того, опыт мирового развития капитализма просто требовал решительного подчеркивания общего в развитии европейских стран и России, ибо этот опыт европейского развития свидетельствовал, что «своеобразие» капиталистического развития каждой из стран Европы сводится лишь к несущественным особенностям, возникающим лишь вследствие разницы вступления в капитализм по времени. «Было ли похоже начало английского капитализма на начало капитализма в Германии?» — спрашивает Плеханов в «Наших разногласиях». — Поскольку нам известно, совсем непохоже, так непохоже, что в свое время и в Германии возникло

мнение, будто эта страна совсем не имеет данных для развития крупной обрабатывающей промышленности...»¹⁹. Но, как известно, со временем Германия стала вполне капиталистической страной. Почему же в России должно быть иначе? Повторяем, данных для утверждения, что количественные (временные, социальные и экономические) отличия России от Запада перейдут впоследствии в качественное своеобразие русского пути развития, таких данных в 80-е годы не было. И потому рассуждать о своеобразии (существенном качественном своеобразии) России в ту пору было бы именно абстрактно-схоластическим занятием. Вот почему мы говорим, что в 80-е годы исследование Плеханова было и объективно-историческим и конкретно-историческим исследованием. И поэтому мы решительно возражаем против того, чтобы видеть в ранних марксистских работах Плеханова зародыши меньшевизма. Там нет ни меньшевизма, ни большевизма; эти течения возникли на принципиально иной исторической почве.

Плехановский социализм 80-х годов — один из важнейших этапов развития русской социалистической мысли от утопии к науке, последняя ступенька перед ленинским учением.

Подводя итог, можно сказать, что завоевания плехановского социализма огромны. Однако не обошлось и без потерь: в социализме Плеханова утрачены некоторые важные завоевания предшествующего развития русской социалистической мысли, и, в первую очередь, идеи Чернышевского о возможности качественно своеобразного пути России к социализму в силу существования двух родов острых противоречий (крепостнических и буржуазных). Вместе с тем, как мы показывали, потери эти были неизбежны, более того, они были необходимы: в 80-е годы социалистическим теоретикам нельзя было двигаться дальше, не отложив в сторону идеи своеобразия (разросшиеся, кстати, до идей самобытничества). Да и то, что это — потери, выяснилось лишь несколько десятилетий спустя, когда достаточно развились общественные отношения России.

Дальнейшее движение русской социалистической мысли заключалось в развитии и конкретизации плехановских (т. е. ортодоксально-марксистских, поскольку их защищал Плеханов) положений, в соединении их с завоеваниями предшествующей Плеханову социалистической мысли России. Это стало возможным в результате развития, или, как мы говорили, конкретизации, экономических отношений русской жизни. Более того, задача расширялась — так как капитализм становился империализмом (и этот процесс требовал осмысления), так как исторический процесс все более становился всемирно-ис-

¹⁹ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, стр. 207.

торическим процессом. И потому теория революции в той или другой стране не могла быть разработана в отрыве от теории революционного преобразования мира в целом. Теория русской революции в XX в. должна была быть одновременно теорией **мирового** революционного процесса — процесса, в котором участвуют (и взаимодействуют) страны разного уровня экономического развития, разного социального устройства. Вот какая задача стояла перед социалистическими теоретиками.

Она была решена Лениным. Ленинская теория революции — это завершение цикла развития русской социалистической мысли, синтез, в котором соединились все ее лучшие достижения. Ленинизм — это завершение определенного цикла развития мировой социалистической мысли. Ленинизм — начало качественно нового этапа развития социализма в России и во всем мире. Этапа практического осуществления идей, выработанных мировой социалистической мыслью, важной составной частью которой была социалистическая мысль России.

108698

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Н. Г. Чернышевский	11
1. «Кричащее противоречие» статьи «Критика философских предубеждений...». Две точки зрения современных исследователей	11
2. Эволюция взглядов Чернышевского в 1848—1858 гг.	14
а) Становление Чернышевского — революционера и социалиста	15
б) Программа Чернышевского в 1857—1858 гг.	31
в) Некоторые особенности тактики Чернышевского	42
3. «Критика философских предубеждений...». Чего «стыдится», от чего «отказывается» Чернышевский. Объяснение «кричащего противоречия»	46
4. Развитие программы после 1858 г.	50
а) Ближайшая задача — срыв реформы, революция	50
б) Развитие программы-максимум. Движение Чернышевского от утопического социализма к научному	57
5. Западноевропейский капитализм в оценке Чернышевского. (Социализм Чернышевского и научный социализм)	63
Глава II. Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев	80
Глава III. Революционное народничество	128
1. Теории и теоретики	128
2. Практика революционного народничества	154
Глава IV. Г. В. Плеханов	183
Заключение	201

Водолазов Григорий Григорьевич

ОТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО К ПЛЕХАНОВУ

(ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ)

Тематический план 1969 г. № 2

Редактор *Ермакова А. В.*

Художник *Михельсон Е. А.*

Художественный редактор *Журинская К. И.*

Технический редактор *Ермаков М. С.*

Корректоры *Стерина Н. П., Костылева Л. А., Клочкова Л. С., Утанина Е. П.*

Сдано в набор 31/1 1969 г.

Подписано к печати 8/IX 1969 г.

Л-53184

Формат 60×90/16

Бумага тип. № 1

Физ. печ. л. 13,0

Уч.-изд. л. 13,12

Изд. № 810

Зак. 271

Тираж 5500 экз.

Цена 90 коп.

Издательство Московского университета

Москва, Ленинские горы, Административный корпус.

Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы.